

Чиглинцев Евгений Александрович

д-р ист. наук, профессор

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)

федеральный университет»

г. Казань, Республика Татарстан

PERSONALIA КАК БИОГРАФИЯ ИСТОРИКА

***Аннотация:** в рамках возобновившейся в историографии научной полемики вокруг историко-биографических штудий автор статьи обращается к анализу актуального состояния биографического изучения историографии. Опираясь на многолетний опыт историографической школы Казанского университета и принимая во внимание произошедшие в социогуманитарном знании культурные повороты, значительно расширившие возможности биографической историографии, автор предлагает обозначить пласт исследований, посвященных биографиям ученых-историков, термином «Personalia», который корреспондируется с «персональной историей», но имеет и некоторые особенности, позволяя совместить микро- и макроуровни социокультурного анализа истории исторической науки.*

***Ключевые слова:** история, биография, биографика, персональная история, Personalia историка, историография, социокультурный аспект.*

Четверть века тому назад выдающийся французский историк Марк Ферро начал свою статью в известном сборнике «Споры о главном» [15], посвященном школе «Анналов», с сакраментального вопроса: «...почему биография была вытеснена из так называемой научной историографии»? Он пытался разобраться, почему так трудно и противоречиво развивался жанр биографии во второй половине XX вв., и нашел причины этого в политической и научной сферах. В первом случае (еще с XIX века) препятствием стало усилившееся внимание к изучению больших социальных групп и недоверчивое отношение к отдельным личностям, во втором – недостаточное использование способов научной про-

верки данных и неверное понимание задач биографии, поскольку «...традиционная история всегда отстранялась от рассмотрения частной жизни, допуская лишь глобальное изучение частной жизни людей» [15, с. 165].

Между тем смею утверждать, именно во второй половине XX в. в нашей стране стала активно развиваться историографическая биографика, когда в рамках историографических штудий исследователь неизбежно обращался к истории жизни того или иного историка, внесшего значительный вклад в историю исторической науки или исторического знания. И если верно утверждение, что историческая биография есть «сама история, показанная через историческую личность» [10, с. 7], то историографическая биография есть не что иное, как история исторической науки, показанная через личность историка-исследователя. И интерес к подобного рода исследованиям «биографии человека науки» среди историков исторической науки С.О. Шмидт констатирует уже в середине 70-х годов прошлого века [17, с. 266]. О подобном же интересе говорится тогда же и в отношении биографических исследований в истории любой другой науки. И воспринимается эта ситуация как проблема науковедения [20, с. 29].

В отечественной историографии классической работой в биографическом осмыслении личности и творчества крупнейшего историка стала монография М.В. Нечкиной о В.О. Ключевском [9]. Начало изучения темы М.В. Нечкина относит ко времени работы в Казанском университете, т.е. к 1921 году. В Москву, в Институт красной профессуры в 1924 году она поехала, уже подготовив книжку о Ключевском. И тогда эта работа воспринималась как своеобразная визитная карточка историка-профессионала [5, с. 94]. Но работа над книгой продолжалась более пятидесяти лет. М.В. Нечкина писала при публикации монографии: «Исподволь я непрерывно собирала материалы о Ключевском, рассказы его учеников и близких знакомых; существенные данные были получены мною от сына Ключевского Бориса Васильевича в многочасовой беседе об отце. ...Я получила возможность изучения неопубликованных документов. Когда в советские архивы поступили после смерти сына Ключевского

архивные материалы, я смогла вернуться к теме...» [9, с. 6]. И вновь автор подчеркивает неисчерпаемость и источникового материала, и самой темы, обозначив свою скромную задачу – лишь наметить место В.О. Ключевского в истории исторической науки.

Здесь мы имеем пример развернутой научной биографии историка, при написании которой были соблюдены некоторые общие требования, а именно – прослеживается поэтапно вся жизнь историка от начала и до самого конца; творчество историка представляется читателю максимально полно, т.е. как историографический факт проанализированы все труды, и опубликованные, и неопубликованные; источниковедческая база исследования содержит всё без малейшего исключения, что может содержать необходимую автору для реализации грандиозного замысла информацию о жизни, личности и творчестве историка. Если еще более сжато охарактеризовать подход, реализуемый в такого рода монографиях, то в них личность историка выступает как явление равное по значимости любому иному событию или явлению его эпохи, т.е. эпохальной становится сама личность историка.

Такой вид историографического сочинения принято называть *Personalia*. Появление в историографическом обиходе этого понятия для обозначения биографии историка связано с Казанской школой историографии античности и деятельностью её основателя А.С. Шофмана.

Само понятие *Personalia* пришло из справочно-информационной среды. Так изначально обозначали и сейчас обозначают в библиографических указателях, в библиотечных каталогах специальные разделы, в которых собирается информация о публикациях, посвященных тем или иным личностям. В нашем случае – профессиональным историкам. Позже этим термином стали обозначать и энциклопедические статьи или публикации в специализированных периодических изданиях, посвященные жизни и деятельности выдающихся деятелей, в частности, историков-исследователей. А в 70-е гг. с легкой руки А.С. Шофмана казанские историографы стали обозначать так диссертационные исследования по ис-

ториографии, в центре которых находился один историк как ярчайшая фигура своего времени или своего научного направления.

Правда, то самое «недоверчивое отношение к личностям», о котором писал Марк Ферро [15, с. 165], привело к тому, что вскоре появилось мнение, что диссертации должны защищаться не по персоналиям, а по проблемам, школам, национальным историографиям и т. п. исследовательским объектам.

Однако там, где речь не шла о квалификационной работе, *Personalia* продолжали выходить. Пример тому – сам А.С. Шофман с его работами о Ф.М. Мищенко [19] или М.М. Хвостове [18], монография А.В. Сергеева [14] и даже ряд диссертаций, правда, имеющих в заголовке специальное упоминание исторической концепции изучаемого автора [2; 3].

Сегодня, на мой взгляд, настало время теоретически осмыслить ту историографическую практику, которая связана с понятием *Personalia*, тем более что работы, явно подпадающие под это понятие, продолжали выходить на всем протяжении трех прошедших десятилетий [4; 8; 11], а в научном обиходе историков и историографов появилось понятие «персональная история»? Однако среди нескольких десятков лексических единиц, обозначающих биографические исследования, термина *Personalia* просто нет [12, с. 12–13]. Вообще выявление типологической принадлежности *Personalia* само по себе уже является интересной научной задачей, особенно на фоне тех попыток, которые предлагают типологию исторической биографии вообще. Как же с этих позиций выглядит биография историка? Если последовать, например, за итальянцем Джованни Леви [7, с. 4], то биографию историка скорее можно отнести к «герменевтическому» типу, ориентирующему исследователя на понимание жизни личности, особенностей черт характера, мотивов поведения, намерений и замыслов, степени их реализации, предполагается внимание к духовному миру личности, отношению к другим людям, исследование коммуникаций между людьми и культурами. Особое внимание при исследовании творческой личности историка требуется уделить выявлению индивидуальных стратегий и практик, которые проявляют-

ся как внутренние причины происходящих в науке перемен. Но при этом биография историка вполне может быть отнесена и к выделенному тем же автором типу «контекстуальной биографии», ибо внимание к конкретной общественной эпохе, в которой реализует себя личность историка, к реконструкции социального контекста, в который и вписываются творческие достижения личности, позволяют сохранить равновесие между спецификой частной судьбы и совокупностью общественных условий, в которых творит историк.

Появившиеся в ходе осмысления профессиональным историческим сообществом последствий целого ряда познавательных и культурных поворотов, произошедших в междисциплинарном поле мировой гуманитаристики [1, с. 7–8], в том числе и поворот биографический [12, с. 8–9], породили и новые подходы к биографии вообще и биографии историка в частности – «интеллектуальная биография», «новая биографическая история», «индивидуальная история», «персональная история». Последняя и позволяет «представить роль биографии как социокультурного измерения исторического процесса» [7, с. 3]. В очередной раз перефразируя высказывание, относящееся к исторической биографии, отмечу, что социокультурное измерение становится характерным и для биографии историка-профессионала. В этом отношении новаторской стала монография Т.Н. Ивановой [6], посвященная В.И. Герье, в которой автору удалось, обратившись к традиционному для предшествующих десятилетий рассмотрению личности в привязке к школе, все-таки выделить достойное место и для биографического рассмотрения выдающегося русского историка.

С персональной историей *Personalia* как биографию историка роднит то, что основным исследовательским объектом и там, и там являются персональные тексты, а предметом исследования выступает «история одной жизни» во всей ее уникальности и полноте [13, с. 8]; эти персональные тексты, или источники личного происхождения, дают нам материал для характеристики индивидуального опыта героя, но персональная история, как и *Personalia* историка использует в качестве источников не только материалы, содержащие прямые вы-

сказывания личного характера (письма, дневники, мемуары, автобиографии), но и иные свидетельства, фиксирующие объективный взгляд со стороны [13, с. 10] (конечно, речь идет опять о некотором конструкте, создаваемом биографом); наконец, обязательный коммуникативный аспект, т.е. взаимодействие с другими личностями и окружающим миром в самом широком его понимании, без анализа этого невозможна никакая «персональная история» [13, с. 11] и невозможна Personalia историка.

Конечно, главным персональными текстами для любого профессионального историка являются его труды. И именно к ним и обращено внимание автора Personalia историка. Здесь то и возникает, на мой взгляд, то, что отличает Personalia историка от любого исследования в рамках «персональной истории».

Это глубина проникновения автора в профессиональную жизнь своего героя. Профессиональный историк выступает как профессиональный биограф. Но здесь же таится и очень большая опасность. При оценке творчества героя биографии профессиональный историк может впасть в альтернативную историю, пытаясь показать свое видение исторического процесса, вместо досконального воспроизведения и оценки взглядов своего персонажа. Обязательное при написании любой биографии вживание, вчувствование в образ историка не должно превратиться в описание самого себя. Замечу, кстати, известную всем, кто профессионально занимался изучением отдельных известных историков, закономерность: автор-историограф становится очень похожим во взглядах, мироощущении, многих реакциях на своего персонажа. Этой проблемой никто специально не занимался, но на уровне ощущений это есть. И что здесь главенствует – подбор ли героя Personalia происходит на уровне интуитивного ощущения близости или автор Personalia просто конструирует образ своего героя на основе собственного «я», пока неизвестно.

Каков же выход из такого неизбежного субъективизма что в оценке творчества, что в репрезентации личности историка? На мой взгляд, в использовании наиболее широкого круга источников самого разного происхождения. Именно

забавные детали, курьезы или, напротив, трагические и неприятные факты из жизни историка, пришедшие к нам из источников личного происхождения, делают биографию историка *Personalia*.

Попытка классификации исчерпывающего набора источников для написания *Personalia* уже предпринималась автором этой статьи [16, с. 138–140]. Однако новые исследования, появившиеся именно как *Personalia* в последние два десятилетия, обогатили источниковую базу историографического биографического исследования новыми материалами, которые вновь требуют осмысления и классификации. Это, безусловно, является одной из актуальных задач современной отечественной биографики.

Список литературы

1. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. – М.: НЛЮ, 2006. – 504 с.
2. Безгубенко А.А. Историческая концепция Мозеса Финли / А.А. Безгубенко: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1989. – 16 с.
3. Бухараева М.А. Эдуард Мейер и его историческая концепция / М.А. Бухараева: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 1978. – 24 с.
4. Габдуллина Н.М.-Н. И.Н. Смирнов – профессор Императорского Казанского университета / Н. М.-Н. Габдуллина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2011. – 23 с.
5. Гребенкина А. Сколько живет историк? Казанские тайны Милицы Нечкиной / А. Гребенкина // Казань. – 1999. – №7–8. – С. 93–94.
6. Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века) / Т.Н. Иванова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – 382 с.
7. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории / С.Н. Иконникова // Культурологический журнал. – 2011. – №4 (6). – С. 2–6.

8. Крапошина Н.В. Академик Н.К. Никольский (1863–1936): этапы научной биографии / Н.В. Крапошина: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010. – 25 с.
9. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. – М., 1974. – 640 с.
10. Павлова Т.А. Методологические проблемы. Биографистика в СССР / Т.А. Павлова // Историческая биография: сб. обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990). – М., 1990. – С. 5–32.
11. Пахомов Ю.В. Иван Николаевич Смирнов (1856–1904) – историк, этнограф, общественный деятель / Ю.В. Пахомов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1994. – 19 с.
12. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика / Т.Н. Попова. – Одесса: Бондаренко М.А., 2017. – 456 с.
13. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях. Вместо предисловия / Л.П. Репина // История через личность: историческая биография сегодня. – 2-е изд. – М.: Квадрига, 2010. – С. 5–16.
14. Сергеев А.В. Исторические взгляды В.И. Григоровича / А.В. Сергеев. – Казань, 1978. – 136 с.
15. Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». – М.: Наука, 1993.
16. Чиглинцев Е.А. Биография историка в историографическом сочинении / Е.А. Чиглинцев // Античность: эпоха и люди. – Казань, 2000. – С. 132–141.
17. Шмидт С.О. Некоторые вопросы источниковедения историографии / С.О. Шмидт // Проблемы истории общественной мысли и историографии. – М.: Наука, 1976. – С. 264–275.

18. Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов / А.С. Шофман. – Казань, 1979. – 111 с.
19. Шофман А.С. Федор Герасимович Мищенко / А.С. Шофман. – Казань, 1974. – 111 с.
20. Ярошевский М.Г. Биография ученого как науковедческая проблема / М.Г. Ярошевский // Человек науки. – М.: Наука, 1974. – С. 22–29.